Я и то, что не я

Тимур Агаев

Тимур Агаев

Я и то, что не я

«Автор»
2026

Агаев Т. Д.

Я и то, что не я / Т. Д. Агаев — «Автор», 2026

Что, если мышление — это всего лишь набор данных, а ваша «оригинальность» — компиляция чужих смыслов? Молодой писатель, пять лет вкладывавший душу в рассказы, обнаруживает: нейросеть, обученная на его текстах, предсказывает его мысли с пугающей точностью. Так начинается эта честная и болезненная книга — не про то, заменит ли нас искусственный интеллект, а про то, что мы сами понимаем под искусством, творчеством и собой.Автор проходит по всем областям, где машина уже работает рука об руку с человеком или даже вместо него. И всюду задаёт один и тот же вопрос: где заканчивается человек и начинается алгоритм?

© Агаев Т. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие 5
Глава первая. Основные области применения ИИ в искусстве 7
Глава вторая. Смысл жизни 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Тимур Агаев
Я и то, что не я

Предисловие

Любое мышление есть набор данных.

Давайте познакомимся. Я — создатель своей собственной цифровой копии.

Будучи молодым писателем, я с пятнадцати лет активно сочинял рассказы, новеллы и статьи, что спустя пять лет изнурительно труда, после долгой и столь же изнурительной редактуры, вошли в основу обучающих материалов для LLM, оно же — нейросеть, оно же — искусственный интеллект. Что самое поразительное — задумка удалась. Нейросеть смогла с небывалой точностью предсказывать мои мысли, логику развития моих мыслей и моих идей. Впредь мне нужно было лишь генерировать идеи и задавать нужное направление.

Понимаете, как это больно? Я пять лет видел в своём писательском творчестве, не побоюсь этого слова, искусстве, смысл собственной жизни, незыблемое и независящее от обстоятельств, оторванное от бренного и гниющего внешнего материального мира пространство, нечто абсолютно своё. Ведь в материальном ничего нам не принадлежит, а там, хотя бы в душе, я имел что-то своё, что если и сгниёт — то только со мной. Какова же была моя боль, когда и то оказалось иллюзией.

Всего спустя пять лет технологический прогресс и возникший впоследствии этому философский дискурс, вся эта современная полемика вокруг искусственного интеллекта отчётливо дали понять, что я целиком являюсь самой настоящей составной, заменяемой единицей и частью материального, гниющего мира, что логику моих рассуждений можно с удовлетворительной точностью повторить через анализ уже имеющихся, записанных в прошлом суждений. Что мысли и идеи, что компилировались в моей голове и были её неотъемлемой и, как мне казалось, оригинальной её частью, есть повторяемый набор данных, чисел, и при этом набор, возможный для компиляции путём взаимодействия между собой вполне конкретных и осязаемых логических инструкций и соответствующих им математических операций.

Тогда что же такое искусство?

Чего тогда стоит наша вера в высокие творческие конструкции, как в нечто изысканное и оторванное, если это оказалось ничем иным, кроме как компиляцией существующих обстоятельств в конкретной, некогда жившей на свете, но биологической машине, называемой человеком.

Пять лет. Пять лет я вкладывал в каждый рассказ часть себя, и теперь эта часть оказалась не более чем набором символов, которые можно получить путём математического перебора. Казалось бы, эта мысль лежала на поверхности, но именно появление искусственного интеллекта натолкнуло на данные рассуждения — ведь, возможно, мы обозначили искусством набор данных, лишь активно притворяющийся им.

Вероятно, любовь к искусству — самый настоящий маркетинговый успех человеческого коллективного бессознательного, всеобщего творческого человеческого сознания. Тогда как теперь… ты кормишь машину собой, а она, насытившись, начинает говорить твоим голосом. Твоим, но при этом и не твоим. И ты уже не можешь точно знать, где заканчиваешься ты и начинается она.

Может, в этом и есть смысл?

Не в том, чтобы быть оригинальным, а в том, чтобы быть продолжением. Ведь даже самые великие умы не создавали из пустоты. Шекспир брал сюжеты у античных авторов, Пушкин учился у Карамзина, а Карамзин — у кого? У летописцев, у византийцев, у самой истории.

Мы все — компиляции компиляций, интерпретации интерпретаций, с бесконечным числом вложенных в нас абстрактных идей прошлого и настоящего, с огромным пластом знаниевых конструктов, скомпилированных путём длительного перебора и пересечения смыслов.

И тут мы приходим к выводу: компиляция никак не исключает смысл.

Вот что мне кажется важным: машина может предсказать мою логику, но она не может предсказать, почему я выбираю ту или иную мысль. Не может предсказать момент, когда я решаю, что эта фраза недостаточно честна, и переписываю её. Не может предсказать моё отчаяние, мою надежду, мою злость на то, что я не могу быть ничем иным, кроме как собой.

Или всё-таки может?..

Если мышление — это набор данных, то что такое душа? Где она прячется, если все мои мысли можно разложить на инструкции и операции? Может быть, она и есть та самая ошибка в системе, тот сбой, который не предусмотрен основным алгоритмом.

То, что заставляет меня чувствовать эмоции перед лицом собственных воспоминаний, хотя они давно перестали быть чем-то новым. То, что заставляет меня писать, зная, что это можно повторить.

Тогда что же такое искусство?

Может, это и есть попытка выйти за пределы набора данных. Тут ключевое слово — попытка. Не оригинальность — её не существует, — а попытка. Попытка сказать то, что не должно было быть сказано в этот момент, именно в этот момент! Сделать то, что не должно было быть сделано.

Тогда искусство — это и результат, и процесс. Это и жест, и вещь. Это и крик, и эхо.

Мы боимся, что машина заменит нас. Но машина может заменить только то, что можно заменить. А то, что нельзя, что делает нас — нами, остаётся.

Остаётся в том, как мы смотрим на звёзды, зная, что они давно погасли. Как мы держим за руку того, кого можем потерять. Как мы пишем, зная, что все смыслы можно скомпилировать. Но нельзя повторить наше отчаяние, наши чувства и видение.

Или можно?

Я не знаю. Но продолжаю писать. И возможно, в этом и есть весь смысл — продолжать, не зная, продолжаешь ли ты или продолжают тебя.

Глава первая. Основные области применения ИИ в искусстве

Когда-то искусство было вотчиной человека.

Мы рисовали на стенах пещер, высекали статуи из камня, складывали слова в строки, и нам казалось, что это исключительно наше — дыхание, вложенное в материю. Сегодня машина берет на себя роль если не творцов, то соавторов, и делает это с той безучастной старательностью, которой не бывает у людей. Мы вкладываем, она воспроизводит. Мы страдаем, она компилирует. И в этом странном разделении труда, как мне кажется, и кроется главный вопрос современности — не о том, заменит ли нас искусственный интеллект, а о том, что мы сами понимаем под искусством.

Прежде чем рассматривать области применения, стоит договориться о терминах. Искусственный интеллект в его нынешнем виде — это не восставший из пепла Франкенштейн, не мыслящая субстанция, отягощенная самосознанием, конечно нет. Это статистический инструмент. Он не думает, не чувствует, не желает. Он анализирует и воспроизводит. В основе — данные, в основе — закономерности, в основе — математика, та самая, что, по моему горькому признанию, лежит и в основе нашего человеческого, и в том числе моего собственного мышления. Кого-то это может обидеть, и я также понимаю это. Но стоит сказать, что разница лишь в масштабе и в том, что у человека есть своя история, осознание себя, личные ценности и духовные убеждения, а у машины — этого нет до появления у неё соответствующих инструкций, но суть в том, что и после появления то будет лишь исполнением этих самых инструкций.

Итак, где же машина уже сегодня работает рука об руку с человеком или, если быть честным, нередко вместо него?

Начнем с визуального искусства, пожалуй, самой очевидной и самой спорной области. Генеративные модели, обученные на миллионах изображений, способны создавать картины, иллюстрации, концепт-арты, эскизы. Это не фотография и не живопись в классическом понимании, но и нечто большее, чем просто коллаж. Такая система может написать портрет, нарисовать пейзаж, сконструировать фантастический мир, и сделает это за секунды. Художник, работающий с ней, становится скорее дирижером, чем исполнителем. Он задает запрос, он направляет, он отбирает, он корректирует. Роль его меняется: теперь это не столько мастер, сколько куратор, отбирающий и направляющий поток. И в этом есть своя эстетика, хоть и непривычная для классических, можно сказать, консервативных, мастеров.

Но есть здесь и другой аспект, который не дает мне покоя!

Когда-то, чтобы стать художником, нужно было учиться годами. Изучать перспективу, анатомию, колористику, композицию. Тратить время, силы, терпение. Путь был важен не меньше результата, потому что он формировал того, кто шёл по этому пути. Сегодня можно стать «художником» за вечер, задав правильный запрос. Это демократично, это доступно, это открывает двери для тех, кто раньше не мог их открыть. Но что это делает с ценностью самого пути? Не обесценивает ли это то самое терпение, которое воспитывалось через преодоление? Или я просто старик, брюзжащий на новое, как все старики во все времена?

Вероятно, да, и пора бы заглушить голос личной позиции и личного видения о прекрасном в этот момент. Теперь те, кто не имели дело с изобразительным искусством, тоже могут иметь с ним дело и излагать, изливать свои мысли, структуры, идеи, рождать композиции. Это же прекрасно! Теперь автор своей книжки, если умеет правильно формулировать запросы для ИИ и знает основы промпт-инжиниринга, может создать столь угодно прекрасных иллюстраций для своей книжки!

Перейдем к литературе и текстам. Здесь машина тоже не осталась в стороне. Генераторы текстов, обученные на миллионах книг, статей и заметок, способны писать эссе, рассказы, стихи, сценарии. Они справляются с этим не всегда хорошо, но иногда, особенно когда правильно задаёшь запрос и даёшь базу для обучения — то происходит на удивление сносно. Они могут продолжить текст, предложить варианты развития сюжета, написать диалог. Редакторы и писатели уже используют их для черновой работы: сгенерировать первичную структуру, набросать идеи, переписать фразу в другом тоне. Это экономит время, это избавляет от рутины, это дает пространство для того, что важнее — для самой идеи и изложения авторской концепции.

Но здесь я снова упираюсь в ту же стену. Если машина способна предсказать логику моих рассуждений, если она может продолжить текст так, что я сам не отличу, где мое, а где её, то в чем тогда заключается мой вклад? Ответ, который я не перестаю себе повторять, звучит так: в отборе. В том, что я решаю, что оставить, а что выбросить. Что правдиво, а что фальшиво.

Машина генерирует варианты, но не может выбрать один из них, потому что у неё нет вкуса и видения. Вкус, видения — это не алгоритмы, а следствие прожитого. Это шрам, это воспоминание, это предпочтение, которое родилось из боли или из радости, из счастья, из любви, любого другого чувства или любой другой сильной эмоции. И если это правда, то роль человека не уменьшается, а меняется, или даже, не постесняюсь того сказать, увеличивается!

Отдельно стоит сказать о музыке. Алгоритмы уже сегодня способны сочинять мелодии, гармонии, аранжировки. Они обучаются на огромных массивах композиций и генерируют новые, комбинируя и варьируя уже существующие элементы. Это не Моцарт из ниоткуда, но это и не просто перебор нот. Композитор может использовать такие инструменты для написания партитуры, для подбора аккордов, для быстрой проверки идей. И снова мы возвращаемся к тому же вопросу: где заканчивается автор и начинается машина? Может, автор — это тот, кто ставит точку, тот, кто говорит «вот это — хорошо, а это — нет».

Кинематограф тоже не остался в стороне. Генеративные модели используются для создания спецэффектов, для реставрации старых плёнок, для озвучки. Они могут корректировать сценарии и предлагать правки, генерировать фоновые планы. Это экономит бюджеты и ускоряет производство, но, как и везде, поднимает вопрос о том, где именно проходит граница человеческого участия. Кино — это искусство коллективное, но в его основе всегда лежат замысел, человеческая воля и видение.

Если этот замысел теперь формируется машиной, то чей это фильм? И есть ли в нём что-то, что можно назвать авторским высказыванием? Скорее всего, нет. Но если использовать ИИ как инструмент для реализации высказывания, то это снова обретает смысл и в том числе впредь имеет дополнительное пространство.

Ещё одна область — дизайн. ИИ используется для генерации логотипов, интерфейсов, шрифтов, шаблонов. Он может предложить сотни вариантов за минуты, и дизайнеру остаётся только выбрать, доработать, довести до ума. Это меняет профессию: от ремесленника, который делает всё сам, к редактору, который отбирает и корректирует. С одной стороны, это освобождает от рутины. С другой — отнимает ту часть работы, которая формировала мастера. Дизайнер, который никогда не рисовал сотни вариантов вручную, не чувствует материал так, как чувствовал бы его предшественник. И это, как мне кажется, важная потеря, даже если её никто не замечает. Но с другой стороны… и программисты впредь пишут не на Ассемблере, а на высокоуровневых языках. А если ранее один сайт мог стоить десятки тысяч долларов (я не шучу, помню эти цены, когда сам делал сайты и увлекался этим!), то теперь любой малый бизнес может за пару сотен рублей обзавестись собственным интернет-гнёздышком. Чудесно ведь.

Театр и перформанс — менее очевидная, но не менее интересная сфера. Здесь ИИ используется для генерации визуального сопровождения, для синтеза голоса, для создания интерактивных инсталляций, реагирующих на движения актёра. Но настоящий театр — это живое присутствие, это энергия между сценой и залом. Машина не может быть на сцене в том

смысле, в каком на ней находится актёр. Она может быть инструментом, но не участником. И в этом, пожалуй, есть что-то утешительное: в искусстве-таки остаются области, где наше присутствие незаменимо и незыблемо.

И наконец, образование и популяризация искусства. ИИ способен анализировать тексты, объяснять сложные концепции, генерировать учебные материалы, адаптировать их под уровень аудитории. Да и что уж греха таить, большую часть математики в меня самого вложил именно искусственный интеллект, тогда как школьные учебники с этим, увы, никак не справлялись, сколько бы энтузиазма во мне не находилось. Он может стать посредником между зрителем и произведением, помогая понять контекст, разобраться в символах, увидеть связи. Это не замена критику или преподавателю, но дополнительный инструмент, который делает искусство и науку более доступными. И в этом, несомненно, есть польза, которую не стоит недооценивать.

Но за всеми этими областями стоит один вопрос, который я не могу оставить без внимания. Если мышление — это набор данных, если творчество — это компиляция, то что тогда остаётся на долю человека глобально? Ответ, который я нахожу, звучит всюду так: воля. Не та воля, что противопоставляется детерминизму, а та, что проявляется в выборе. В том, что человек решает, что важно, а что нет.

В том, что он отказывается от одних вариантов в пользу других. В том, что он вкладывает в произведение свою историю, боли, радости. Машина этого не может, потому что у неё нет истории, у неё есть только данные, на которых она обучается.

И если это правда, то роль человека в искусстве не уменьшается, а становится более точной, возвышенной, не так ли? Мы более не ремесленники, которые делают всё вручную. Мы — те, кто ставит цели и выбирает средства. Мы — те, кто решает, что имеет смысл, а что нет. Мы — те, кто говорит «да» или «нет». Мы решаем, где поставить точку, а где запятую. И это, как мне кажется, ничуть не меньше, чем то, что было раньше.

Или я себя утешаю?..

Впрочем, какая разница. Я продолжаю писать, зная, что это можно повторить. У меня есть мой верный интеллект, а также мой также верный кремниевый помощник, и я буду делать дальше, потому что хочу передавать не книги, а идеи. И может быть, в этом упрямстве и есть весь смысл.

Глава вторая. Смысл жизни

Сегодня наступила эра ИИ.

Многие люди отрицают это, не понимают, а меня за реализацию подобного рода робота с лёгкостью осудят — проблема в том, что я лишь хочу вписать себя в существующий контекст, в уже происходящий процесс. И что плохого в том, что человек получит свою кремниевую цифровую копию в виде личного и постоянного редактора или помощника? Но ведь речь не просто о редакторе, оно может куда больше, а мои личные ограничения — лишь искусственные и происходят только из моих желаний, убеждений, сугубо субъективного видения. А если его откинуть? А если я уже его откидывал?

Что же произошло на самом деле? Против чего выступает общее коллективное человеческое сознание на данный момент? А произошло создание цифровой копии, которая способна продолжить мысль аналогично его биологическому создателю, изначально обозначенному, будучи человеком, как исключительно разумное существо. Возможность этого обо многом способна сказать, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.